

УДК / UDC 821.512.37

Историческая и личная память в рассказе Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда»)

Римма Михайловна Ханинова¹

Historical and Personal Memory in Andrey Dzhimbiev's Short Story "Menk Gurm" ("Eternal Trouble")

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрена тема исторической и личной памяти на примере рассказа калмыцкого писателя-фронтовика Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002). В 78 лет автор, вспоминая о Великой Отечественной войне, создает образ восьмидесятилетнего ветерана, рассуждающего о прошлом и настоящем ради будущего. Старик Довдон в разговоре с другом, возвращаясь воспоминаниями в свою юность, горюет о погибших однополчанах и командире роты, отдав должное героизму защитников Отечества. Название рассказа о войне как вечной беде сопровождается авторской интенцией об исторической и личной памяти, различными для ветеранов и для современной молодежи, сохранении исторической правды о Победе народа в борьбе с фашизмом. Время действия — 9 мая, День Победы, спустя много десятилетий после войны. Такая временная протяженность актуализирует тему рассказа. Диалогическая форма произведения влияет на динамику сюжета, замедляя его действие. Русский перевод текста не всегда точен в воспроизведении первоисточника.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, калмыцкая проза, рассказ, историческая память, ветеран войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер гос. регистрации: 123021300198–4).
Для цитирования: Ханинова Р. М. Историческая и личная память в рассказе Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 162–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-162-170

Abstract. The article examines the topic of historical and personal memory using the example of the short story by Kalmyk writer-veteran Andrei Dzhimbiev “Mank Gurm” (“Eternal Trouble”, 2002). At the age of 78, the author, remembering the Great Patriotic War, creates the image of an eighty-year-old veteran, talking about the past and the present for the sake of the future. Old Dovdon, in a conversation with a friend, returning to his youth, grieves for the dead of his fellow soldiers and the company commander, paying tribute to the heroism of the defenders of the Fatherland. The title of the story about the war as an eternal disaster is accompanied by the author’s intention about historical and personal memory, different for veterans and for modern youth, preserving the historical truth about the Victory of the people in the fight against fascism. The action takes place on May 9, Victory Day, many decades after the war. This length of time actualizes the theme of the story. The dialogical form of the work affects the dynamics of the plot, slowing down its action. The Russian translation of the text is not always accurate in reproducing the original source.

Keywords: Great Patriotic War, Kalmyk prose, short story, historical memory, war veteran

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Khaninova R. M. Historical and Personal Memory in Andrei Dzhimbiev’s Short Story “Menk Gurm” (“Eternal Trouble”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 162–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-162-170

1. Введение

В прозе калмыцких писателей-фронтовиков немного рассказов о Великой Отечественной войне, созданных на родном языке. Это «Ээж» («Мать») Алексея Балдуевича Бадмаева (1924–2007) [Бадмин А. 1963: 19–41], «Кора» [Хоньна М. 1961: 96–100] и «Ухлястин көвэд» («На берегу Ухлясти») Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) [Хоньна М. 1979: 346–351], «Мөңк гүрм» («Вечная беда»), «Сүл дэврлт» («Последнее наступление»), «Үклиг диилсн күсл» («Мечта, победившая смерть») и другие рассказы Андрея Манганыковича Джимбиева (1924–2022) [Жимбин А. 2009].

Тема Великой Отечественной войны в этих произведениях являет автобиографические детали жизни авторов, мотивы личной и исторической памяти, героизм на войне и в тылу, представляя людей разных

национальностей и возрастов. Так, в рассказе А. Б. Бадмаева старая мать, обеспокоенная полученным письмом, написанным чужой рукой, едет к сыну в госпиталь и по дороге погибает под ударами бомб на переправе реки [Ханинова 2025: 330–340]. В рассказе «Кора» М. В. Хонинова действие происходит под Сталинградом, жители хутора, старики и дети, спасаются от бомбежек в степном овраге [Ханинова 2016а: 195–205]. Бои на берегу белорусской речки Ухлясть в другом его рассказе «Ухлястин көвэд» показали героизм защитников родной страны: погибает «сын полка», мальчик-белорус из сожженного села, и командир роты, калмык, скорбит, похоронив его [Ханинова 2016б: 339–348].

2. Материал и методы

Материалом для исследования стали рассказ А. М. Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002) и его русский перевод, выполненный Д. Б. Дорджиевой, под названием «Счастье и горе без срока давности» [Джимбиев 2024: 259–262].

Рассказ имеет публикации в журнале «Теегин герл» («Степь в степи») [Жимбин А. 2003: 20–23], в авторской книге [Жимбин А. 2009: 321–325].

Сравнительно-сопоставительный подход и метод описательной поэтики позволяют вывить авторские интенции и стратегии переводчика в изображении Великой Отечественной войны, в передаче темы «без срока давности» на основе исторической и личной памяти очевидца событий, о которых повествуется в рассказе ветерана войны.

3. Историческая и личная память в рассказе А. Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда»)

В рассказе Андрея Манганыковича Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002) название являет метафору войны. Лексема *гүрм* во втором значении — «беда» [КРС 1977: 149].

Ср. название этого рассказа в русском переводе Данары Басанговны Дорджиевой «Счастье и горе без срока давности» [Джимбиев 2024: 259–262]. Название в этом случае, отступая от первоисточника, переносит смысловой центр, уравнивая две категории счастья и несчастья в жизни человека, а авторская интенция была направлена на то, что являет вечную беду в жизни человечества.

Действие в произведении относится к современной действительности. Два старых друга ведут разговор о прошлом. Возраст персонажей (под 80 лет) подчеркивается их именованим на протяжении всего повествования: *Довдн-өвгн* (Довдон-старик) и *Цорһа-өвгн* (Цорга-старик). В русском переводе рассказа это частотное сочетание имени и возраста не соблюдается. Имена *Довдн*, *Довдан*, *Добдан* в переводе с тибетского означают «мощный, опора мощи», «Цорга» (калм. *Цорһа*) — «перегонная трубка (по ней стекает молочная водка)» [Монраев 2012: 150, 213]. Если семантика имени первого персонажа поддерживается его биографией ветерана войны, то семантика имени второго персонажа, видимо, имеет случайный характер, никак в повествовании не соотносится с его биографией.

Один, Довдон, участник Великой Отечественной войны, другой, Цорга, по молодости лет не воевал (он на год младше друга), но испытал все ее последствия. В возрасте пятнадцати лет вместе со своим народом-«изменником» он был сослан в Сибирь. Там, на лесозаготовках, попал в беду, остался без правой руки:

Цорһад негхн насн эс курсэр, эн дээнд одсн уга. Болв тер цага аюлын хату-метүг эн бүклднь даала. Арвн тавхн настадан эврэ хальмг улсла хамдан «урвач» нер зүүж, Сиврүр туугдла. Тенд көдлмшин дамшилт уга бичкн кевүн, мод эд-бод келһнд көдлж, йовад, зеткрлэ харһад, барун һар уга үлднэ [Жимбин А. 2009: 321].

Ср. в переводе: «Цорге не хватило всего одного годочка, чтобы попасть на фронт. Но тяготы тех лет он испытал сполна. Ему было 15 лет, когда, как и весь его народ, он был назван изменником и сослан в холодную Сибирь. Там, в морозном краю, подросток, не имевший никакого опыта, вкалывал на лесозаготовках и потерял правую руку» [Джимбиев 2024: 259].

Переводчик добавил определения, характеризующие место ссылки («холодная Сибирь», «морозный край»), уточнение («не имевший никакого опыта»), использовал просторечие («вкалывал»), уменьшительное («вместо не хватило одного года» — «не хватило всего одного годочка»).

Цорга обращается к другу с почтением, называя его *Довдн-ах* ‘старший брат Довдон’. В русском переводе обращение укорочено: «брат Довдон», тем самым снимается возрастная разница и почтительность собеседника. Кроме того, в первоисточнике Цорга обращается к Довдону на «вы», а не на «ты», как у переводчика.

Фамилии стариков не обозначены. Семейное положение не уточнено: нет упоминаний об их семьях. Место проживания и место действия не указаны.

Старик Довдон не может забыть о прошедшей войне, постоянно возвращается в мыслях к былым боям, героям и потерям.

Вот и в очередной день Победы он вновь вспоминает войну, а друг, пришедший поздравить, заметив его нездоровье, напоминает об их уговоре: им, восьмидесятилетним, надо беречь свое здоровье, не тревожить себя тяжелыми воспоминаниями: *Довдн-ах, танла эндр, Диилврин өдрлэ, ямаран уршгта үүл одва? Бээдлтнь — эрүл биш. Насарн найад күрч йовх бидн жирһлиннь хаалһд учрад давсн уршгта йовдлмудан ухалж, зовж, үлдсн тоота өдрмүдэн терүнд өңгрэх керг манд уга гиж бидн хойрулн чигн тоолдг билүс* [Жимбин А. 2009: 321].

В ответ на поздравление старик Довдон кратко поблагодарил (*спасибо*), у переводчика — «лишь сухое „спасибо“» [Джимбиев 2024: 259], что, на наш взгляд, не соответствует ситуации. Здесь проявление сдержанности старого человека, погруженного в свои думы, а не его равнодушие к другу.

Оба они потеряли одну руку, один — на войне, другой — на лесозаготовках. Автор с горькой иронией заметил о таком «счастливом» совпадении: *Ямаран «сээхн» ирлцлһн* [Жимбин А. 2009: 321].

У переводчика: «Надо же случиться такому совпадению!» [Джимбиев 2024: 259]. По нашему мнению, указательное местоимение «такому» не передает переживания персонажа по поводу собственной судьбы и судьбы своего друга.

Старик Довдон, соглашаясь, что надо беречь себя, все же утверждает, что есть воспоминания, которые не дают покоя, возникают время от времени, потому что они вечны: *Үлдсн цаган эрвлхиг эврэн меднэв. Болв уршгта зэрм күчр йовдлмуд цаг-цагар буслад, деврэд харч ирнэ. Эднэ зэрмнь — мөңк* [Жимбин А. 2009: 321].

Ср. у переводчика: «Некоторые из них, похоже, не имеют срока давности» [Джимбиев 2024: 259]. Наречие «похоже» в значении предположения здесь нивелирует авторскую мысль: у него это утверждение.

Ветеран печалится о том, что не вся молодежь воспринимает прошедшую войну как должно. Конечно, они не знали войны, можно радоваться этому их счастью. Но некоторые из них заявляют, что мы не победили тогда, если победили, что им, молодежи, дали? Что может быть тяжелее, когда они не понимают или не хотят понимать? Видя таких несчастных людей, приходится переживать:

Эврэ нүдэрн эс үзсэн, бийлэнь эс учрсиг күцц медхд күчр. Тедниг эс үзсндэн эндр баһчуд хөвтэ гиж би нам байрлнав. Болв «дээнд тадн диилсн угат, диилсн болхла, манд ю өгвт?» гиж сурдгуднь, ташр некдгуднь хатяр биш. Тер һундлта. Эс меджэхэн эс медснэс үлү му хөв гиж күүнд бээхий? Иим му хөвтэ улсиг үзж бас зовх кергтэ болна... [Жимбин А. 2009: 322].

У переводчика последнее высказывание персонажа звучит иначе: «Видеть и слышать таких „умников“ и не страдать душой я не в силах» [Джимбиев 2024: 259]. Лексема «умники» понимается иронически, а «несчастные люди» — сострадательно.

Такие размышления ветерана войны о современном поколении, в первую очередь о молодежи, выстраданы. И ему не сколько «обидно», как в переводе, а печально. В контексте предложения это печаль, горечь, а не просто обида.

Цорга ругает друга за такие переживания, но не так, как у переводчика. «Брат Довдон, нельзя так мучить себя, думая о подлых людях» [Джимбиев 2024: 259].

У автора: *Довдн-ах, иим һэ йовдл ухалж зовж болшго* ‘Старший брат Довдон, нельзя страдать, думая о таких горестных случаях’ [Жимбин А. 2009: 322]. Речь идет не о «подлых людях», а о тех случаях, когда люди — по незнанию или непониманию — высказывают подобные суждения, неприемлемые для ветерана войны.

Для автора важно передать мысль о том, что отношение к Великой Отечественной войне со временем приобретает иное содержание, чем раньше. Историческая и личная память расходятся в оценке событий прошлого. Для писателя, участника войны, такая трансформация вызывают тревогу и обеспокоенность, так как речь идет об искажении исторической правды, умалении значения победы советского народа над фашизмом. В

то же время он не склонен осуждать людей, не вникая в причины подобного отношения.

Цорга просит рассказать друга о том, что тогда вызывает его страдания. И напоминает ему о сказанной им калмыцкой пословице, гласящей о том, что в одиночку пережитое страдание вдвойне тяжелей, а разделенное вдвойне легче: *«Һанцар даасн зовлң хойр холванд күндрдг, хувалцж даасн зовлң холванд гиигрдг» гиж тана бийнтн келдг үлгүр бээнэлм* [Жимбин А. 2009: 322].

Довдон согласился, что немного рассказывал другу раньше о пережитом. Но как это происходило, никому еще не передал. Тогда он сам не понимал, как все случилось, по молодости лет.

Теперь ветеран войны рассказал другу подробно о том, как летом срок третьего года его батальон должен был переправиться через небольшую реку, выбить фашистов и продвигаться вперед: *Мана батальон тиигхд, 43-чин зунар, нег баахн холын көвэд күрч ирв* [Жимбин А. 2009: 322].

Рота лейтенанта Соколова, где служил Довдон, шла в первых рядах наступающих. Довдон уточнил, что с ним воевали ребята 18–19 лет. Их лица он видит, как сейчас: *Нанла тиигхд 18–19-тә көвүд элвг йовла. Теднә чирәсиг би эндр, минь ода үзжәх метәр тодлнав* [Жимбин А. 2009: 322].

Здесь включение автобиографического компонента в рассказ: сам будущий писатель в 18 лет принял участие в войне.

Довдон вспоминает, как многие верили, что бог спасет их, сбережет на войне. Он понимал, что так говорили, когда не было сил. Но эта вера никогда не спасла от смерти. Потери тогда были большие. Война есть война. От ее законов спасения нет. *«Маниг мана сәкүсн-бурхн хэләһәд, хадһлад йовх» гиж әмд йовсаннһ кесгнһ ицдг билә. Эннһ, цанһ арһ уга болхла, келгддг үгмүд бәәсинһ би меддг биләв. Болв тиим ицлнһ тер саамд үкләс кениг чигн харссн уга. Һару тиигхд дегд ик болла... Дән гисн — дән. Терүнә зокал аврлт уга...* [Жимбин А. 2009: 322].

Ср. у переводчика: «Но ни вера, ни талисманы в том бою никого не спасли от смерти» [Джимбиев 2024: 260].

Старик, возвращаясь мыслями в прошлое, рассказал в подробностях, как все было тогда. Немцы явились на два дня раньше, соорудили мост, переправились на другой берег, мост сожгли, сами окопались, а силы были малы: численность убавилась, патронов не хватало, одна винтовка. Но был приказ И. В. Сталина: «Ни шагу назад!», «Вперед! Только вперед! За Родину! За Сталина!». Кроме этих призывов, других не было:

Немшнр манас хойр хонг урд ирәд, хол деер бурм кезж тәвәд, деергарнһ һарчкад, тер бурман шатачкж. Бийснһ холын тентл хажуд окопмуд малтж авад, маниг күләһәд суудг. Мана чидл баһ: күүнә то баһрсн, сумн хатяр, нежәһәд буута. Болв бидн «нег чигн ишкдл хәрү кешго!» гисн Сталинә закврта. «Уралан! Зуг уралан! Тәрскнә төлә! Сталинә төлә!» Эн дуудврас талдан заквр уга [Жимбин А. 2009: 323].

У переводчика: «Но зато на всех был один приказ: „Ни шагу назад! Только вперед! За Родину! За Сталина!“» [Джимбиев 2024: 260]. По наше-

му мнению, союз «зато» противоречит авторскому высказыванию в этом предложении. У него лаконичная констатация факта: «Но у нас был приказ Сталина: „Ни шагу назад!“».

Тогда бойцы всю ночь рубили ближайшие деревья, тащили их к реке, с помощью них переправлялись на другой берег. Его взвод первым одолел водную преграду. Неожиданно немцы выскочили из окопов, открыли огонь.

Рядом с Довдоном шедшие солдаты стали падать, в реке тонуть. Сам он, тяжело раненный в предыдущем бою, был с перевязанной левой рукой, должен был действовать правой рукой.

В рукопашной Довдон получил новые ранения от автомата, кованого немецкого сапога: переломанные ребра, которые после врачебной помощи, срослись, как попало. Эти шрамы ветеран теперь показал другу. Тот поразился тому, как можно было уцелеть тогда после такого боя. В разговоре Цорга не скрывал своих эмоций, постоянно восклицая: *Дэрк! Дэрк! Дэрк минь!* ‘Боже! Боже! Боже мой!’ [Жимбин А. 2009: 324].

Потери были большие, половина бойцов без боевого опыта.

Когда Довдон, тяжело раненный, оказался в медсанбате, там увидел своего лейтенанта: у него были оторваны ноги до колен, он потерял много крови, но не стонал. Довдон был потрясен увиденным:

Тер өдрин бийднь, асxn шидр медсанбатур мана роты командир лейтенант Коля Соколов авч ирв. <...> Хойр көлнь өвдгэрнуга. Цусан икэр геесндэн, эрэ амта. Зовлцгнь... Болв тер түүрчэд бээхэс биш, гиң гижэ зовжыхан медүлгч э харсн уга. Би терүнэ бээдлэс сүрдүв [Жимбин А. 2009: 325].

Лейтенант, узнав Довдона, собрав свои последние силы, тихо сказал ему о том, что благодарит его и бойцов взвода, что приказал подготовить наградные листы уцелевшим девяти солдатам:

Би тана взводын дээчнрт, танд бийдтн бас ханжана. Эмд улдсин нээмн салдст ачлврин цаасд кетхэ гижэ закув [Жимбин А. 2009: 325].

Довдон и теперь, спустя много десятилетий, восхищен мужеством своего командира, его последним поступком, а лейтенант горевал о том, что из роты, в которой было 108 солдат, после боя осталось всего 9, и в этом его ответственность. Он должен был умереть со всеми:

Мини ротд өрүн бээсн 108 дээчэс ода, өдрин чилгчэр, йисн күн үлдв. Теднэ негнь би, ротын командир лейтенант Соколов билэв. Би дээчнрэн чилэчкэд, эврэн амд харч ирх зөв угав. Би теднлэ хамдан, тенд, дээлдэнэ бээрнд үкх зөвтэ билэв! Ямаран гүрм! [Жимбин А. 2009: 326].

На вопрос Цорги, остался ли жив лейтенант, Довдон ответил, вытирая глаза пустым рукавом рубашки, что наутро Соколова похоронили:

Лейтенант Соколовиг маңһдур өрэнднь оршав [Жимбин А. 2009: 326].

Довдон не может забыть о мужестве командира, сказавшего, что должен был погибнуть вместе со своими бойцами. Он говорит, что может многое забыть, но не может забыть последние слова лейтенанта. Разве можно об этом забыть? Нет для этого никаких сил. На нет и суда нет.

Старики долго молчали, размышляя над сказанным:

*Хойр көгшэ тагчг. Эдн эврэ күүндврэн ода цааранднь эврэ-эврэ чееж до-
тран кежэдг чигн болх* [Жимбин А. 2009: 326].

Между тем за окном послышалась песня «Хотят ли русские войны?»:

Эн саамла «Орсмуд дээлдхэр бээхий?» гидн дун терз hatцас соңсгдв
[Жимбин А. 2009: 326].

Автор включил в свой рассказ упоминание об известной антивоенной песне Евгения Евтушенко на музыку композитора Эдуарда Колмановского [История песни 2025].

Русский перевод рассказа не всегда соответствует оригинальному тексту, особенно в финальной части, без упоминания раздавшейся за окном песни. Между тем эта деталь акцентировала тематику произведения: во-первых, песня часто исполнялась в День Победы, во-вторых, созданная в 1961 г. в период международной напряженности (Карибский кризис, строительство Берлинской стены, эскалация вооружения), передавала антивоенное послание о стремлении людей жить в мире, в-третьих, песня всегда оставалась актуальной, особенно для старшего поколения, для участников прошедшей войны.

Рассказ — небольшой по объему, диалогичен по структуре, сам диалог растянут, есть повторения и длинноты, психология Цорги, восьмидесятилетнего старика, не вполне отвечает его возрасту и опыту: вопросы наивны, часто риторического характера. Воспоминания Довдона, особенно о последней встрече с лейтенантом в медсанбате, на наш взгляд, несколько экзальтированные, не отвечают ментальной сдержанности старого калмыка, которая заявлена в начале рассказа.

Рассказ заканчивается утверждением Довдона и Цорги о том, что День Победы — это и день вечной радости, и день вечной беды: *Эндр Диилврин өдр. Эндрк мөңк байрин чигн, мөңк гүрмин чигн өдр* [Жимбин А. 2009: 326].

У переводчика завершение рассказа без последних четырех абзацев, обрывающееся на последних словах старика Довдона: «Есть ли что священнее и горше, чем то завещание или клятва?! Нет, забыть такое невозможно. Нет такой силы на свете, что заставила бы меня забыть об этом» [Джимбиев 2024: 262].

4. Заключение

Рассказ Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда») о войне при определенном художественном вымысле характерен размышлениями писателя об исторической памяти, о цене Победы, об эстафете поколений. Повествование о прошлых боях на войне не имеет никакой конкретной локации, как и действие рассказа. В контексте время разговора персонажей относится к началу 2000-х гг., когда было написано произведение писателя. Ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, вспоминая в День Победы о прошлом, утверждает непреходящие ценности: честь и защита Отечества, память о павших героях войны, ответственность поколений за будущее страны.

Источники

- Бадмин А. 1963 — *Бадмин А. Ээж* (= «Мать») // Бадмин А. Ээж. Элст: Хальмг госиздат, 1963. X. 19–41.
- Джимбиев 2024 — *Джимбиев А.* Счастье и горе без срока давности // Поэзия и проза тюркских и монгольских народов: антология. М.: ОГИ, 2024. С. 259–262.
- Жимбин А. 2003 — *Жимбин А.* Мөңг гүрм (=Вечная беда) // Теегин герл. 2003. № 1. X. 20–23.
- Жимбин А. 2009 — *Жимбин А.* Жирһлин жисән (= «Движение жизни»). Элст: Герл, 2009. 511 х.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Хоньна М. 1961 — *Хоньна М.* Кора // Хоньна М. Ээлтэ улс. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1961. X. 96–100.
- Хоньна М. 1979 — *Хоньна М.* Ухлястин көвэд (= «На берегу Ухлясти») // Хоньна М. Улан цусн болн хар көлсн (= Красная кровь и черный пот). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1979. С. 346–351.

Литература

- История песни 2025 — История песни. История войны [электронный ресурс] // URL: <https://история-песни.история-страны.рф/songs/tpost/2eholmхu81-hotyat-li-russkie-voini> (дата обращения: 19.10.2025).
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Ханинова 2016а — *Ханинова Р. М.* Военное детство в этнографическом аспекте: рассказ Михаила Хонинова «Корá» // Дети и общество: традиции и современность. Мат-лы Всеросс. заочной научн. конф. (Элиста, 1 июня 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 195–205.
- Ханинова 2016б — *Ханинова Р. М.* Рассказ Михаила Хонинова «Ухлястин көвэд» («На берегу Ухлясти») в аспекте русского перевода // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: Мат-лы Росс. науч. конф. «Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы» (г. Элиста, 24–26 октября 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016б. С. 339–348.
- Ханинова 2025 — *Ханинова Р. М.* Тема Великой Отечественной войны в рассказе «Ээж» («Мать») писателя-фронтовика Алексея Бадмаева // Айдамировские чтения – 2025: сб. мат-лов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Грозный, 28–29 апреля 2025 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2025. С. 330–340.